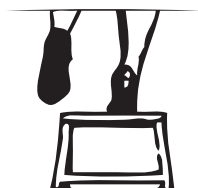

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Наука и социальные преобразования

Эррико Малатеста

27 декабря 1913

Великие научные открытия XIX века и победоносная критика, которую наука противопоставила лжи и заблуждениям религий, привели к тому, что прогрессивные умы стали восторженными поклонниками – если не разумными и терпеливыми исследователями – Науки, и, преувеличивая, приписали Науке способность всё понимать и всё разрешать: из Науки сделали новую Религию.

И сторонники социальных преобразований всех мастей, то есть все те, кто с какой-либо целью и какими-либо средствами намеревался изменить существующую общественную организацию, сочли себя обязанными обосновать свои стремления Наукой; тогда как с другой стороны консерваторы, увидев, что религиозная вера пошатнулась и уже недостаточна, чтобы держать народ в подчинении, также попытались оправдать существующий строй с помощью науки.

Это было подлинное опьянение (не рассеявшееся ещё и поныне), которое заставило утратить ясное понятие о при-

Эррико Малатеста
Наука и социальные преобразования
27 декабря 1913

Опубликовано в №29 журнала «Volontà» (Анкона)

ru.anarchistlibraries.net

роде, методах и пределах Науки, в полный ущерб научной истине и социальному действию.

Никто или почти никто не спасся; и если мы, анархисты, избежали нелепости называться анархистами научными, то, возможно, лишь потому, что эпитет «научный» был уже занят и стал отвратителен благодаря марксистскому социализму.

В самом деле, многие из наших товарищей, и среди наиболее заслуженных и известных, утверждали именно, что Анархия есть вывод из истин, установленных Наукой, что она не что иное, как применение механистической концепции вселенной к человеческим фактам.

Между тем, чтобы показать ошибочность этого их сциентизма, показать, что в действительности их анархизм проистекает из их чувств, а не из их научных убеждений, есть то обстоятельство, что они продолжают оставаться анархистами точно так же и тогда, когда науки прогрессируют и меняются; и, несмотря на исповедуемый ими объективизм, на практике они не допускают фактов и не принимают теорий, которые, казалось бы, противоречат их анархистским стремлениям.

И если бы у них не было случая заниматься научными исследованиями, или если бы наук не существовало, а человеческие знания оставались бы в том состоянии, в каком они находились века назад, они, вероятно, точно так же были бы анархистами, потому что, будучи людьми чувствительными и добрыми, они страдали бы от людского горя и желали бы его победить, а будучи людьми гордыми и справедливыми, восстали бы против угнетения и захотели бы полной свободы для себя и для всех.

Более того, они признают качество сознательных анархистов за огромным большинством товарищей, которые не знают науки; и когда они ведут пропаганду, то делают это точно так же, как мы, то есть стремятся пробудить

в людях чувства личного достоинства и любви к другим, стараются возбудить страсть к свободе и справедливости, говорят об общем благе и человеческом братстве, выявляют социальные бедствия и пробуждают волю к их уничтожению, не дожидаясь, пока люди изучат математику, астрономию и химию.

Изучать науки – дело прекрасное, и далее мы скажем, для чего они служат.

Но утверждать, что анархизм (и то же самое следует сказать о социализме или любом другом человеческом стремлении) есть научный вывод, утверждать особенно, что он есть следствие одной из тех обширных космогонических гипотез, в которых находит удовольствие философия, – это вещь ложная сама по себе и, кроме того, вредная по последствиям, которые она может иметь для интеллектуального развития индивидов и для их способности быть революционерами.

Идея личного Бога, творца всех вещей, которая является самой древней, самой наивной и самой грубо абсурдной из тех гипотез, причинила огромный вред, потому что приучила людей верить, ничего не понимая в действительности, и, задушив дух любопытства и исследования, сформировала рабов сознания, хорошо подготовленных к тому, чтобы терпеть политическое и экономическое рабство.

Но разве не то же самое делают научные гипотезы, когда их представляют как неопровержимые истины и как мотив для действия тем, кто не знает науки и не способен судить о них?

Недостаточно того или иного смутного понятия о научных истинах, более или менее достоверных, и знания

нескольких заумных слов, чтобы сделать человека мудрецом или, по крайней мере, человеком, который знает, что говорит, и может выбирать между вещами, которые ему говорят.

Для широкой публики Моисей и Геккель – фигуры одинаково мифические, и верить в монизм одного и не верить в генезис другого только потому, что это модно в нашей среде, не делает человека менее невежественным, менее суеверным, менее религиозным. И говорить профанам об атомах, ионах и электронах (которые в конечном счёте суть гипотезы для объяснения и соотнесения определённых категорий фактов, гипотезы удобные, гипотезы полезные для научного исследования, но гипотезы, простые мысленные построения, и ни в коем случае не позитивные открытия), говорить, повторяю, тем, кто их не знает, о вещах тайных и непостижимых без должной подготовки – это то же самое, что говорить им о Боге и Ангелах; то есть учить словам и заставлять верить, что это реально существующие вещи, приучать ум довольствоваться утверждениями, которых не понимаешь и не можешь ни доказать, ни определить.

Сменилась бы религия, но всегда оставалась бы религия в смысле слепого подчинения откровенной истине, которую нельзя ни проверить, ни понять.

И если бы было верно, что анархия есть научная истина, то настоящими анархистами были бы тогда лишь немногие учёные, которые называют себя таковыми, а все остальные были бы бессознательным стадом, слепо следующим за несколькими жрецами, посвящёнными в глубинные основы веры!

это оружие, которое может служить как добру, так и злу; но сама она полностью игнорирует понятия добра и зла.

В заключение: поэтому мы – анархисты не потому что нам так велит наука; мы – анархисты еще и потому, что мы хотим, чтобы все люди могли наслаждаться выгодами и удовольствиями, которые предоставляет наука.

Нет также разницы в моральных выводах и социальных применениях, которые можно извлечь из различных космогонических теорий.

Попы вложили в уста Бога то, что им было удобно, используя его как средство для оправдания и упрочения господства победителей; но не было недостатка в ходе истории в мятежниках, которые именем Бога проповедовали справедливость и равенство. Говорят, что всё происходит по воле Божьей, и потому нет иного средства, кроме как каждому покорно принять свою участь; но можно также сказать, что бунт свят, ибо, если он происходит, то потому, что так хочет Бог. И можно сказать, что если Бог – общий отец, то мы все братья и потому должны быть равны. Словом, на всякий вкус; и известно, что Мадзини изобрёл Бога доброты и любви, прогресса, который был совершенно иным, нежели свирепый Бог Пия IX.

Бакунин говорил, что если Бог существует, то человек не имеет ни свободы, ни достоинства. Другой может сказать – и многие действительно говорили – что если всё есть материя, если всё подчинено естественным законам, то истина – иллюзия, свобода – химера, а человек – не более чем автомат.

Так что если убеждения, моральные стремления основываются на зыбких опорах философских гипотез, они всегда будут неопределёнными и изменчивыми. И подобно тому как католик, основывающий своё поведение на вере в Бога, остаётся без моральных принципов, как только поколеблена его религиозная вера, так и анархист, действительно являющийся таковым по научному убеждению, должен был бы непрерывно справляться с последними бюллетенями Академий наук, чтобы знать, может ли он продолжать быть анархистом.

Один товарищ приводит мне пример того, как с помощью философии можно запутать самые простые и оче-

видные вещи. По его мнению, «принцип собственности основывается на ложной вере в творение из ничего». Я, право, не понимаю, чёрт возьми, что он хочет сказать; но думаю, что если прежде, чем совершить революцию и экспроприировать держателей общественного богатства, мы должны договориться – ни много ни мало – о вопросе о происхождении мира, то капиталисты могут спать спокойно. Не гораздо ли проще, гораздо ли понятнее сказать, что она существует, затем, что она должна служить всем, и побудить рабочих взять её и работать на ней самостоятельно, не позволяя больше эксплуатировать себя теми, кто путём обмана или насилия сделал себя её хозяевами?

Если с облаков философии мы спустимся на более твёрдую почву позитивных наук и так называемых социальных наук, мы увидим равным образом, что они могут служить для защиты самых различных политических режимов, самых противоречивых социальных стремлений. В огромной мешанине более или менее проверенных фактов каждый выбирает те, что подходят к его тезису, и каждый формулирует теории, которые в конечном счёте в действительности являются программами, желаниями, намерениями, а автор, когда называет их научными истинами, обманывает себя и других. В интерпретации фактов естественной истории, в антропологии, в философии истории, в политической экономии и во всей социологии на каждом повороте страницы мы наталкиваемся на тенденциозные утверждения, которые говорят «есть», тогда как должны были бы говорить «должно быть», или вернее «я хотел бы, чтобы было». И результат таков, что от этого страдает объективное и беспристрастное научное исследование; а социальная борьба из свойственного ей пылающего поля

страстей и интересов начинает вырождаться в болтовню академиков и «мудрецов».

Наука собирает факты, классифицирует их и, когда находит, что эти факты необходимы и необходимо воспроизводятся всякий раз, когда наличествуют те же обстоятельства, формулирует естественные законы, которые не что иное, как утверждение, что при данных условиях имеют место определённые явления. Но она не говорит человеку, чего он должен желать, должен ли он любить или ненавидеть, должен ли быть добрым или злым, справедливым или несправедливым. Доброта, справедливость, право – понятия, которых наука совершенно не знает.

Наука стремится провести границу между фатальной необходимостью и свободной волей. Чем больше она прогрессирует, тем могущественнее становится человек, ибо учится познавать необходимые условия, которые должен выполнить, чтобы осуществить свою волю. Но эта воля, осуществлённая или нет, остаётся вне-научной силой, с собственным происхождением и собственными стремлениями.

Токсикология учит нас физиологическому действию ядов, но не говорит, должны ли мы использовать приобретённые знания, чтобы отравлять или чтобы лечить людей. Механика открывает законы равновесия и сопротивления материалов, учит нас строить мосты, пароходы, аэропланы, но не говорит, лучше ли построить мост там, где это выгодно какому-нибудь жадному собственнику, или там, где он служит интересам всех, не говорит, должны ли пароходы и аэропланы использоваться для перевозки солдат и сбрасывания бомб на население или для распространения цивилизации благосостояния и братства по миру. Наука –